

ДНЕВНИКЪ И. И. КОЗЛОВА.

Не такъ давно я имѣлъ возможность опубликовать ¹⁾ нѣсколько бумагъ, главнымъ образомъ писемъ и записокъ, переданныхъ мнѣ незадолго до смерти (7 ноябр. 1903) покойной дочерью славнаго поэта-слѣпца, А. И. Козловой. Въ нихъ оказалось нѣсколько новыхъ данныхъ и чертъ, относящихся къ біографіи и поэтической дѣятельности И. И. Козлова.

Нынѣ я могу сообщить о новой счастливой находкѣ, представляющей интересныи матеріалъ къ біографіи и характеристикѣ личности пѣвца-страдальца. Среди старыхъ записныхъ книгъ и альбомовъ его дочери, которые я имѣлъ возможность просмотрѣть ²⁾, нашлись его дневники разнаго времени, начиная съ 1818-го года и по самый годъ смерти его (1840)—отчасти въ записныхъ книгахъ-альбомахъ, но главнѣйше списанные рукою его дочери, на отдѣльныхъ листахъ (вѣроятно изъ альбомовъ же).

Эти дневники, писанные, по обычаямъ времени и круга, въ которомъ съ дѣтства вращался поэтъ, на французскомъ языкѣ, имѣютъ характеръ то детальныхъ, то краткихъ записей о времяпрепровожденіи, событіяхъ дня, вообще о домашней жизни поэта, которая протекала въ однообразныхъ и тягостныхъ условіяхъ его болѣзненнаго состоянія и вѣчной ночи, его окружавшей. Это — краткая хроника его интимной, семейной жизни, и вмѣстѣ вѣрное отраженіе жизни и движеній его души и сердца.

¹⁾ Извѣстія II Отдѣл. Имп. Акад. Наукъ т. IX (1904), кн. 2.

²⁾ Благодаря любезности А—и В—ны Позернъ. друга семьи Козловыхъ.

Такимъ образомъ этотъ дневникъ можетъ служить прежде всего для характеристики душевнаго настроенія И. И. Козлова, его не только физическаго, но и нравственнаго самочувствія въ разные періоды его страдальческой жизни (со времени потери ногъ, а затѣмъ и зрѣнія). Кромѣ того, представляя нѣкоторую картину внѣшней обстановки жизни поэта и его отношеній и связей съ внѣшнимъ міромъ и обществомъ, онъ—по близости И. И. къ литературному кругу и его жорифеямъ—даетъ рядъ упоминаній, сужденій и біографическихъ чертъ, которыя не безынтересны въ историко-литературномъ отношеніи.

Дневникъ начинается 1818-мъ годомъ. Именно около этого времени Козлова постигло великое несчастье: параличъ постепенно лишилъ его ногъ. Но это было лишь началомъ обрушившагося на него бѣдствія, разбившаго всю его жизнь. Черезъ нѣсколько лѣтъ стало слабѣть и измѣнять ему зрѣніе, и онъ постепенно окончательно ослѣпъ.

Но въ началѣ его болѣзни, и онъ самъ, и близкіе его не теряли надежды на исцѣленіе, и предпринимались разныя лѣченія.

Дошедшія до насъ первыя записи дневника относятся какъ разъ къ эпохѣ, когда И. И. Козловъ, по совѣту врачей, предпринять лѣченіе *бардой*, т. е. ваннами изъ барды, или „гущи, остающейся послѣ перегонки хлѣбнаго вина изъ браги“¹⁾. Какъ ясно видно изъ дневника, въ страшномъ несчастіи поэта поддерживали и облегчали выносить страданія его глубокое религиозное чувство, горячая вѣра въ Провидѣніе и покорность волѣ Божьей, соединенныя съ молитвеннымъ настроеніемъ и трогательною, нѣжною любовью къ своей женѣ и дѣтямъ, о которыхъ онъ непрестанно думалъ и заботился даже въ минуты страданія. Эти два мотива: религиозное и молитвенное настроеніе духа и непрестанное проявленіе нѣжныхъ чувствъ въ семьѣ рѣшительно преобладаютъ въ дневникахъ поэта.

Первыя записи относятся къ апрѣлю 1818 г.—11-ое апрѣля, день рожденія И. И. Козлова, приходилось въ Великій Четвергъ. Въ краткихъ отмѣткахъ подъ этимъ днемъ читаемъ: „День моего

¹⁾ Словарь русск. языка, изд. И. Академіи Наукъ; франц.: *lie de vin*.

рожденія. Мой сынъ, нашъ милый Ишинька ¹⁾, говѣлъ въ 1-й разъ. Жена подводила его къ причастію“. Но въ этотъ же день причащался и самъ поэтъ, что описывается въ другомъ отрывкѣ дневника.

Дѣло въ томъ, что кромѣ краткихъ журнальныхъ отрывковъ, Козловъ очевидно велъ болѣе подробный журналъ, пока владѣлъ зрѣніемъ и могъ самъ писать. Въ двухъ сохранившихся тетрадяхъ-альбомахъ осталось, къ сожалѣнію, лишь по листку или страничкѣ этого собственной рукой поэта писаннаго журнала, именно 1818-го и 1820-го гг. Остальные исписанные листы этой драгоценной рукописи, изъ одного журнала около 85-ти листовъ, изъ другого около 80-ти—къмъ то безпощадно вырѣзаны, да еще такъ варварски, что оставлены ихъ корешки съ исписанными краями рукописи!

На этотъ разъ я хочу лишь въ общемъ познакомить читателей съ дневниками Козлова, ихъ содержаніемъ и характеромъ, а потому сдѣлаю изъ нихъ пока рядъ извлеченій, которыя мнѣ кажутся болѣе характерными и любопытными въ автобиографическомъ, біографическомъ или историко-литературномъ отношеніяхъ. Это не помѣшаетъ издать ихъ впоследствии при желаніи и полностью, въ подлинномъ французскомъ текстѣ ²⁾.

I.

Въ какомъ именно положеніи было здоровье Козлова весной 1818 г., мы ближе не знаемъ, но въ концѣ апрѣля, послѣ Пасхи, ему предстояло подвергнуться вышеупомянутому лѣченію. Въ Великій Четвергъ, въ день своего рожденія, онъ приобщался Св. Тайнъ. Вотъ что онъ записалъ объ этомъ въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ дневника.

„...Я отправился въ церковь Св. Александры въ Сенать, — у меня было тамъ отличное мѣсто въ алтарѣ; я прослушалъ пра-

¹⁾ Сыну поэта, Ивану, было тогда лѣтъ 7 или 8. Онъ родился въ 1810 или 11-мъ г., умеръ въ 1883 г.

²⁾ Имѣя теперь въ виду болѣе широкій кругъ читателей, я предпочитаю здѣсь дать выдержки въ русскомъ переводѣ.

вила, часы и обѣдню съ чуднымъ Евангеліемъ Св. Матѣя о Тайной вечери... Я молился со всею горячностью души моей. Я имѣлъ счастье приобщиться со всею вѣрою моего пламеннаго сердца во Христа Спасителя. Мое сердце осмѣливается надѣяться на *все*. Онъ благословитъ меня и сдѣлаетъ счастливымъ вмѣстѣ съ женою моею, которую я люблю со всею живою и нѣжною чувствительностью моего пылкаго сердца, и съ нашими дорогими дѣтьми ¹⁾. Онъ мнѣ даруетъ здоровье, счастье! Я былъ удостоенъ приобщенія Св. Тайнъ, вслѣдъ за тѣмъ, что причастился самъ почтенный и добрый священникъ. Я не могу выразить того, что я чувствовалъ, когда онъ приблизился со Св. Причастіемъ ко мнѣ, обѣдному грѣшнику. Я прослезился, произнося молитвы, и принялъ причастіе съ горячимъ чувствомъ. Жена моя (послѣ, когда открыли Царскія Врата для общаго причастія) подвела нашего сына, нашего милаго Ишвику, который также причащался, говѣя въ первый разъ. Да благословитъ его Христосъ во всемъ! "...

Въ другомъ подобномъ же отрывкѣ Козловъ описываетъ въ томъ-же духѣ ночь на Святое Воскресенье и заутреню, а также розговѣнье. Въ записяхъ же краткаго дневника подъ этимъ днемъ, 14 апрѣля, записано: „Свѣтлое Христово Воскресенье. Сенатскій священникъ пріѣзжалъ пропѣть Христосъ Воскресе!—Дружининъ, Яковлевъ.—Милтонъ—читалъ Paul et Virginie—мой милый романъ.—Батюшковъ, молодой поэтъ, добрый и любезнѣйшій человекъ.—Князь Павелъ Гагаринъ—читалъ Лабрюера“.

25 апрѣля Козловъ началъ лѣченіе бардой (ваннами) на заводѣ г-жи Полторацкой, за Охтой, для чего и переселился туда. Вотъ какъ онъ описываетъ этотъ эпизодъ.

„25 апр., четвергъ. По прочтеніи Св. Евангелія, снарядившись въ путь, я пришелъ въ спальню помолиться Богу, обнялъ и разцѣловалъ жену и дѣтей, далъ имъ сластей, поцѣловалъ ихъ еще разъ и отправился на винный заводъ г. Полторацкой братъ ванны изъ барды. Да благословитъ меня Господь Иисусъ Христосъ и да возвратитъ мнѣ здоровье и счастье съ моей женой и дѣтьми.. Жена моя была очаровательна ко мнѣ; она такъ заботилась, чтобъ

¹⁾ Софья Андреевна, рожд. Давыдова, и двое дѣтей: Иванъ и Александра, см. нашу статью „Къ біографіи Козлова“.

мнѣ было хорошо; мнѣ было такъ тяжело оставлять своихъ, даже на самое короткое время.—Я на дрожжахъ доѣхалъ до Невы, переѣхалъ на лодкѣ черезъ рѣву, и около 2-хъ час. прибылъ на заводъ—на саняхъ; мнѣ дали довольно свѣтлую комнату. Я все сидѣлъ въ своемъ креслѣ, мечтая о женѣ и дѣтяхъ, выпилъ свой чай съ чуднымъ куличомъ—по милости моей Sophie, взялъ свою ванну изъ барды и легъ спать.

26-е апр., пятница. Сегодня день моей свадьбы... Для моего здѣшняго пребыванія я выкупилъ свои часы, которые я такъ люблю, какъ подарокъ моей жены. Я мечталъ, читалъ, обѣдалъ (бульонъ и жаркое), отдыхалъ, опять читалъ — также мое милое розовое письмоце ¹⁾, которое цѣловалъ вмѣстѣ съ обручальнымъ кольцомъ... Позже, около 9 час. взялъ свою ванну“.

Такъ, полнымъ отшельникомъ, развлекаясь лишь чтеніемъ, воспоминаніями и перепиской со своими, въ молитвѣ и невеселыхъ думахъ провелъ Козловъ въ этомъ уединеніи дней 12. По его словамъ, его сердце, умъ, всѣ мысли за это время принадлежали исключительно его семьѣ, о членахъ которой онъ мечталъ непрестанно. Рядомъ съ этимъ онъ жилъ надеждой на исцѣленіе, о которомъ молился съ трогательнымъ увлеченіемъ.

Подъ 5-мъ мая читаемъ:

„Молитва — мечты о своихъ—Евангеліе отъ Іоанна „о Разслабленномъ“, гдѣ Іисусъ Христосъ сказалъ ему: возстани и возьми одръ твой и ходи,—и абіе здравъ бысть человекъ.— О, Господь мой, я умоляю Тебя пламенно, и съ горячей вѣрой осмѣливаюсь надѣяться, что Ты меня исцѣлишь и сдѣлаешь счастливымъ съ моей женой и дѣтьми. Ты благословишь насъ, мой Спаситель, я уповаю на тебя, Богъ мой“...

Такъ прошло время до 7 мая. Въ этотъ день Козловъ закончилъ лѣченіе и вернулся домой.

Лѣченье бардой, повидимому, не имѣло успѣха. Въ дневникѣ есть отмѣтка, что уже въ маѣ того же 1818 г. предпринято новое лѣченіе—ваннами изъ березовыхъ почекъ. Мы не знаемъ, въ чемъ проявлялся главный недугъ и страданія Козлова, но одно несомнѣнно: что страданія эти были велики и часты, и что онъ

¹⁾ Очевидно, воспоминаніе временъ женитьбы.

переносилъ ихъ съ христіанскимъ терпѣніемъ и стойкостью. Но въ дневникѣ онъ не могъ иногда не отмѣчать ихъ. Такъ напр. запись 18-го іюня гласитъ: „Читаль молитвы въ Тихвинской Божьей Матери. Я былъ въ грустномъ настроеніи. — Неслыханныя страданія, — мнѣ положили фонтанели. Буальскій (докторъ) мнѣ сдѣлалъ перевязку. Я почувствовалъ себя лучше, благодаря Бога, поспокойнѣ“... 27-го іюля: „Читаль, какъ всегда, евангеліе; страдалъ ужасно: мучили страшныя спазмы, насилу могъ говорить. Лежалъ; потомъ добрелъ до кресла возлѣ окна. Буальскій сдѣлалъ мнѣ перевязку“... Черезъ мѣсяць, 28-го августа: „Я страдалъ невѣроятно отъ спазмъ и судорогъ“...

Среди страданій больной находилъ утѣшеніе то въ музыкѣ, то въ занятіяхъ и играхъ съ дѣтьми, то въ чтеніи. Родные, близкіе друзья и знакомые его не забывали. Среди нихъ—въ его дневникахъ—нерѣдко встрѣчаются имена его друзей-литераторовъ. Такъ 26-го іюня упоминается о посѣщеніи Алекс. Ив. Тургенева, которому Козловъ былъ чрезвычайно радъ.

26-го декабря посѣтилъ его Николай Тургеневъ, о которомъ Козловъ отзывался такъ: „прекрасный человекъ, просвѣщенный, такой интересный—своимъ свѣтлымъ и широкимъ умомъ, своимъ смѣлымъ, великодушнымъ порывомъ къ прекрасному, къ великому, къ идеалу. — Онъ только-что написалъ замѣчательный трудъ: „Теорію налоговъ“. Гагаринъ мнѣ доставилъ его“.

14-го янв. 1819 г. „Жуковскій мнѣ принесъ свои сочиненія; обѣдалъ съ нами“.—Чтеніе, поэзія и другія умственные занятія (напр. иностранными языками), уроки дѣтямъ, когда имъ не мѣшали физическія боли, составляли главную отраду Козлова. Литература и поэзія его привязывали къ себѣ все болѣе и болѣе; его умъ и душа наполнялись и проникались поэзіей, которою его окружали и книги и друзья—живые гениальные носители поэтическаго вдохновенія, такъ что не удивительно, что—съ болѣзнью и особенно съ потерей зрѣнія—въ немъ самомъ до такой степени проснулось и развилось поэтическое творчество, давно взлелѣянное условіями его внутренней жизни.

Въ это время И. И. Козловъ особенно увлекался Байрономъ, изъ котораго сталъ переводить.

31 янв. (1819 г.) въ дневникѣ его читаемъ: „Много читалъ Байрона. Ничто не можетъ сравниться съ нимъ. Шедевръ поэзіи, мрачное величіе, трагизмъ, энергія, сила неподобная, энтузіазмъ, доходящій до бреда, грація, пылкость, чувствительность, увлекательная поэзія,—я въ восхищеніи отъ него... Но онъ ужъ чересчуръ мизантропъ; я ему пожелалъ бы только—болѣе религіозныхъ идей, какъ онѣ необходимы для счастья. Но что за душа, какой поэтъ, какой восхитительный гений! Это—просто волшебство!“

Съ В. А. Жуковскимъ Козловъ, какъ извѣстно, былъ въ самой нѣжной дружбѣ, которая основывалась не только на взаимной симпатіи характеровъ и сходствѣ душевнаго склада, но и на общности вкусовъ и поэтическаго настроенія, на единомысліи въ главныхъ вопросахъ жизни. Поэтому частое общеніе съ нашимъ славнымъ поэтомъ было потребностью и источникомъ духовныхъ наслажденій для Козлова. Когда Жуковскій былъ въ Петербургѣ, онъ часто навѣщалъ своего большого друга, много читалъ съ нимъ, а—когда онъ ослѣплъ—читалъ ему и свое и чужое.

Въ дневникахъ 1819 г. встрѣчаемъ такія записи:

4 февр. „Пришелъ Жуковскій: мы бесѣдовали чрезвычайно интересно—я былъ очень взволнованъ. Мы вмѣстѣ читали Child Harold и нѣсколько строфъ изъ „Освобожденнаго Іерусалима“. Я ужасно счастливъ, что понимаю эти два языка 1).

6 февр. Чудные стансы Жуковскаго къ почившей В. К. Екатеринѣ Павловнѣ.

11 марта. Читалъ съ Жуковскимъ „Гаура“. Какъ я люблю этого милаго Жуковскаго!—Я много занимаюсь англійскимъ языкомъ.

31 марта. Николай Тургеневъ принесъ мнѣ прекрасные стихи молодого Пушкина къ Императрицѣ Елизаветѣ“ 2).

На Пасхѣ 1819 г. Козловъ уже не могъ по своему состоянію посѣщать церковь, какъ обыкновенно, что его глубоко сокрушало. Приобщился онъ въ Великій Четвергъ—у себя на дому, у священника Исаакиевскаго собора, отца Тарасія. Впрочемъ, онъ былъ все-таки у заутрени, въ Почтамтской церкви и, какъ всегда, на-

1) Т. е. англійскій и итальянскій.

2) Извѣстный „Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь Государыни Императрицы Елизаветы Алексѣевны“.

слаждался чудной пасхальной службой. Объ его удрученномъ душевномъ настроеніи можно судить по слѣдующимъ строкамъ. Рассказавъ о возвращеніи съ заутрени и о розговѣннѣ, онъ прибавляетъ: „Болѣзненная меланхолія овладѣла душой моею. Я употребилъ всѣ усилія, чтобы не плакать въ величайшій изъ праздниковъ“. Но послѣ свиданія съ дѣтьми онъ не выдержалъ: „Я плакалъ много — вопреки всѣмъ усиліямъ. — Мнѣ было ужасно грустно — я ласкалъ дѣтей...“ Продолжая описывать свое тяжелое настроеніе, Козловъ заключаетъ такъ дневникъ этого дня:

„Сколько ощущеній волновало мое сердце, — сколько идей смущало мой умъ! Сколько разъ было говорено, и я повторю еще разъ: чувствительность есть и прекрасный, и пагубный даръ Неба, но при всемъ томъ даже страданія чувствительнаго сердца предпочтительнѣе пустотѣ душевной; я люблю свое сердце, каково оно есть; я хочу, чтобы оно всегда такимъ оставалось...“

Я страдалъ необыкновенно“.

Изъ краткаго дневника за лѣто и осень 1819 г. мы узнаемъ, что Козловъ былъ занятъ въ то время переводомъ „Абидосской невѣсты“ пов. Байрона.

13 июля. „Я занимаюсь моимъ переводомъ „Bride of Abydos“.

20 июля. Я страдалъ. Столь любимый мною Жуковский прибылъ изъ Павловска. Я ему чигалъ мой переводъ „Bride of Abydos“. Онъ мнѣ далъ прекрасные стихи, которые онъ написалъ для Великой Княгини по поводу цвѣтка ¹⁾.

12 августа. Александръ Тургеневъ, котораго я люблю всѣмъ сердцемъ, читалъ мой переводъ, и долго бесѣдовалъ со мной.

31 августа. Лесюкъ мнѣ принесъ мою „Абидосскую невѣсту“ великолѣпно переписанную и переплетенную. Жуковский мнѣ прислалъ (изъ Павловска) „Мазепу“.

2 сентября. Я былъ разбуженъ посылкой отъ Тургенева: письмо Жуковскаго къ Лонгинову ²⁾ на мой счетъ меня чрезвычайно тронуло; я сохраню навсегда память о немъ.

23 сентября. Жуковский оставался у меня долго... Онъ мнѣ сообщилъ, что Императрица пожаловала мнѣ перстень.

¹⁾ Очевидно тутъ разумѣются извѣстные стихи „Цвѣтъ Завѣта“.

²⁾ Ник. Мих., секретарь Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

24 сентября. Милый Жуковскій привезъ мнѣ отъ имени Царствующей Государыни Императрицы брилліантовый перстень за мою „Абидосскую невѣсту“¹⁾. Это — топазъ, окруженный брилліантами“...

Подъ 9-мъ декабря записано:

„Николай Тургеневъ пріѣхалъ ко мнѣ послѣ обѣда въ англійскомъ клубѣ („рестораци“). Онъ мнѣ далъ прочесть интересное письмо Мих. Орлова къ Бутурлину“.

Въ описаніи дней Рождественскихъ праздниковъ опять играетъ выдающуюся роль имя Жуковского.

Въ день Рождества поэтъ явился къ Козлову и читалъ ему свою балладу „Узникъ“. На другой день, 26-го онъ былъ опять „и принесъ мнѣ, рассказываетъ И. И., Манфреда (3 и 4 пѣсню Чайльдъ Гарольда, — у меня есть 1-я и 2-я), и отъ добраго дружескаго чувства подарилъ мнѣ эти восхитительныя творенія лорда Байрона, поэта моего сердца. Это новогодній подарокъ. Я его благодарилъ отъ всей души. Я перечелъ ему его романическую балладу: она дѣйствительно очаровательна. Затѣмъ я съ нимъ бесѣдовалъ“.

Въ записяхъ послѣднихъ дней 1819 года проглядываетъ все та же грусть, меланхолическое настроеніе, вызываемое, очевидно, неподдающимся лѣченію недугомъ, но глубокое религиозное чувство упованія на Бога и покорности ниспосланному испытанію все такъ же сильно въ поэтѣ.

31 декабря онъ заключаетъ дневникъ словами: „послѣ нѣсколькихъ часовъ мечтанія я легъ спать, вознося благодареніе Богу за этотъ годъ, уповая вѣрою моею души, что Онъ насъ благословитъ своимъ отеческимъ и божественнымъ милосердіемъ, — я на все надѣюсь съ вѣрой и горячимъ чувствомъ“.

Отъ 1 янв. 1820 года сохранился еще маленькій собственноручный отрывокъ дневника (въ одномъ изъ упомянутыхъ альбомовъ). Писанный также, какъ всѣ дневники, по-французски, онъ начинается слѣдующимъ русскимъ вступленіемъ:

¹⁾ Переводъ этотъ посвященъ былъ позже, когда повѣсть вышла цѣликомъ въ 1826 г., Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ.

„Именемъ Спасителя нашего Иисуса Христа молю тебя, Боже мой, благослови меня съ женою моею и дѣтьми нашими на сей Новый годъ и на всю жизнь нашу“. Далѣе описывается, какъ всегда—съ мелочными подробностями, начало этого дня, новогоднія семейныя взаимныя привѣтствія, подарки, молебень и проч.

Отъ первой половины 1820 года сохранились самыя небольшія извлеченія изъ дневника, и на іюлѣ этого года дневникъ совсѣмъ прерывается до 1825 года, послѣ котораго оказывается опять пробѣлъ до 1830 г. Утрачены ли журнальныя записи этого періода (1820 — 25 г.), или самое писаніе дневника временно прекратилось? На этотъ вопросъ отвѣтить трудно за неимѣніемъ какихъ-либо указаній. Очень возможно, что многое утрачено, но что тутъ могъ быть большой пробѣлъ и въ самомъ составленіи журнала, на это указываетъ совпаденіе этого пропуска съ тѣми мрачными и жестокими годами жизни Козлова, когда онъ терялъ и наконецъ окончательно потерялъ свое зрѣніе. Можно себѣ представить удрученное, безотрадное состояніе его духа въ эту эпоху! Но и тутъ его поддержали религія, семейныя привязанности и непоколебимая вѣра въ Провидѣніе.

Немногія записи 1820 года относятся къ лѣту этого года. Здѣсь встрѣчаются все тѣ же имена друзей Козлова: Жуковскаго, Тургеневыхъ (Сергѣй Ив., какъ сказано тамъ, вернулся въ это время изъ Парижа), вн. П. Г. Гагарина, Ник. Воейкова и друг. Козловы жили въ городѣ, но И. И. предпринималъ часто прогулки въ экипажѣ на острова и наслаждался видами и зеленью. Въ это время онъ страдалъ бессонницей, на что жалуется въ дневникѣ.

Подъ 17-го іюня читаемъ: „Бессонница до зари... Всѣ (гости) разѣхались. Но я — *не одинъ, когда остаюсь въ одиночествѣ*. Я мечтаю о женѣ и дѣтяхъ — и о многомъ другомъ... Дышу свѣжимъ воздухомъ у окна...“

Въ дневникѣ заносились и впечатлѣнія отъ прогулокъ. Такъ, 5 іюля записано: „Чудная погода. Сѣлъ въ дрожки: проѣхалъ по всѣмъ островамъ (мои любимыя мѣста!) до дачи Ланскихъ,—пре-лесть, восторгъ! Проѣхалъ по берегу рѣки, вернулся черезъ лѣсъ,—дача Лопухина самая красивая послѣ дачи Лаваль, которая просто

восхищеніе. На островахъ—эта чудная вода, эти лѣса, эти цвѣты, эти романтичныя виды, все это божественно, — это восхищаетъ сердце и воображеніе“.

Приводимъ и заключительныя строки этой части дневника. Въ восторгахъ поэта всѣмъ окружающимъ, красотами природы и искусства, какъ-бы слышится предчувствіе утраты имъ вскорѣ самой возможности такихъ наслажденій.

Конецъ іюля. „Послѣдній день каникулъ. Я нанялъ коляску и поѣхалъ на острова съ моимъ сыномъ и Воейковымъ; сперва на островъ Растеній (Аптекарскій), потомъ на милый Каменный островъ,—Крестовскій,—вокругъ поляны, затѣмъ на Елагинъ, который мы объѣхали кругомъ, равно какъ и Каменный,—гуляли въ лѣсу, вернулись на Крестовскій; лѣсомъ къ дачѣ Бѣлосельскихъ и большой поперечной аллеей къ финской деревнѣ и оттуда въ городъ. Восхитительныя мѣста, романическія мѣстоположенія, великолѣпныя воды, сладостныя сѣни и прелестныя цвѣты, зеленые газоны, чудныя дачи—какъ я люблю васъ!..“

II.

Я сказалъ, что дневникъ, закончившійся 1820 годомъ, возобновляется 1825 годомъ, но на 18-мъ іюля онъ вновь обрывается, и продолженіе имѣется лишь съ іюля 1830 г. Съ этихъ поръ мы имѣемъ журнальныя записи—почти непрерывно до нач. 1840 года, т. е. до самой кончины поэта, при чемъ, однакожъ, отъ нѣкоторыхъ годовъ сохранились лишь небольшіе отрывки. Зато записи послѣднихъ лѣтъ, особенно 1837-го, и отчасти 1839-го довольно обильны.

Характеръ дневника остается тотъ же, сообщаются въ лаконической формѣ главные факты и событія дня, перечисляются всѣ посѣтители и гости поэта и его семьи; отмѣчаются иногда впечатлѣнія поэта, выносимыя изъ сношеній его съ людьми и внѣшнимъ міромъ. Тонъ записей 1825 г. болѣе ровный и спокойный. Видно, что Козловъ въ эту пору менѣе страдалъ физически и ужь успѣлъ нѣсколько свыгнуться съ своимъ положеніемъ слѣпца, во всемъ зависящаго отъ окружающихъ.

Изъ перечисленія лицъ, ежедневно бывавшихъ у Козловыхъ, видно, какой у нихъ былъ широкой кругъ друзей и знакомыхъ, какъ поэтъ былъ любимъ и почитаемъ въ кругу его знавшихъ, и какъ всѣ дорожили его обществомъ и всячески старались приобщить ему и пользу, и удовольствіе.

Рядомъ съ извѣстными намъ уже изъ прежнихъ упоминаній именами, въ числѣ посѣтителей дома Козловыхъ за это время мы встрѣчаемъ всего чаще имена: Г. Дельвига, Гнѣдича, Льва С. Пушкина, П. А. Плетнева, Кюхельбекера, Никиты М. Муравьева и Ив. Матв. Муравьева-Апостола, А. А. Перовскаго (А. Погорѣльскаго), А. Н. Оленина, гр. Григ. Шувалова, Мих. Сушкова, Карамзина (вѣроятно, Андр. Н.); затѣмъ бывали также у нашего поэта Глинка, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Баратынскій, кн. Зинаида Волконская, Рылѣевъ, гр. Сень-При, гр. Кс. де Местръ и др.

Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ журнала этого 1825 года.

6 января. „Я былъ у обѣдни (Евангеліе св. Матвѣя о крещеніи „Се сынъ мой возлюбленный“)... Мой братъ съ женой, Дружининъ у насъ обѣдали. Я перевелъ прелестную балладу Вальтеръ-Скотта ¹⁾).

9 января. Вечеромъ я былъ у Муравьева (И. М. Мур.-Ап.). Чудный вечеръ. Гнѣдичъ читалъ изъ Иліады, я — отрывки изъ Абидоссой невѣсты и свою балладу, Левъ Пушкинъ — „Цыганъ“.

17 января. Мы перебрались на новую квартиру послѣ нашего скромнаго обѣда. Я остался одинъ нарочно у Плетнева. Тамъ были Сабуровъ, Дельвигъ, Левъ (т. е. Пушкинъ), Гнѣдичъ и я. Мы пили чай, бесѣдовали и ужинали. Дельвигъ и Левъ отвезли меня затѣмъ на нашу новую квартиру.

18 января. Иша ²⁾ прочиталъ мнѣ Евангеліе о Мытарѣ и Фарисеѣ. Пришелъ Жүковскій. Мы декламировали стихи. Да благословить насъ Богъ въ новомъ нашемъ жилищѣ, всюду и всегда!

23 января. Я былъ у Муравьева. Прелестный вечеръ. Я читалъ своего „Чернеца“, Левъ (Пушкинъ) — „Цыганъ“. Были

¹⁾ Обозначеніе баллады—(по англійски) такъ неясно, что можно лишь догадываться, что рѣчь идетъ о балладѣ „Разбойникъ“ (посв. А. А. Воейковой) „Мила Брайнгельскихъ тѣнь лѣсовъ“.

²⁾ Т. е. сынъ Козлова.

С.-При, кн. Трубецкой, молодой Бибиковъ, Дельвигъ, Комаровскіе, Гнѣдичъ.

29 января. Я былъ у Свѣтланы ¹⁾. Это было рожденіе милого Жуковского. Слушалъ чудную игру на фортепіано (М-ле Хвостова). ...Были моя жена и Линька, милый Жуковский, А. Перовскій, Хвостовъ, морякъ Бестужевъ, Кавелинъ, Гнѣдичъ, Дельвигъ и Левъ (Пушкинъ). Рассказывали множество исторій о мертвецахъ. Читали „Цыганъ“.

30 января. Перовскій читалъ мнѣ „Исидоръ и Анна“, свою повѣсть. У насъ обѣдали Свѣтлана, дорогой именинникъ Жуковский, Софья Ивановна и Алексѣй Перовскій. Пили шампанское за здоровье Жуковского. Приятно разговаривали о чудесныхъ происшествіяхъ до 7 час. Мой братъ и Плетневъ зашли на минуту.

28 февраля. Послѣ обѣда милая Свѣтлана. Она уѣзжаетъ въ Дерптъ и скоро вернется.

19 марта. Я былъ у Олениныхъ. Тамъ были кн. Дмитрій Голицынъ изъ Москвы, Сергѣй Уваровъ, Крыловъ и семья. Я декламировалъ „Чернеца“.

11 апрѣля. День моего рожденія. Я пилъ чай и кофе съ женой и дѣтьми. Разцѣловался съ ними. Дочь моя прочла мнѣ Евангеліе... Пришелъ мой милый г. Жуковский, подарившій мнѣ соч. Мооге; за обѣдомъ пили шампанское. Я отдыхалъ. Декламировалъ стихи Байрона, и простившись съ дѣтьми, ушелъ къ себѣ.

14 апрѣля. Гнѣдичъ; потомъ милый Жуковский принесъ „Чернеца“ ²⁾. Первый его экземпляръ я далъ своей женѣ. Княгиня Зинаида (Волконская) получила тоже экземпляръ книги.

16 апрѣля. Я отправился къ княгинѣ Бѣлосельской на rendez-vous съ кн. Зинаидой Волконской. Эта прелестная Зинаида выказала мнѣ трогательную пѣжность. Я ей сказалъ стихи, ей посвященные ³⁾. Она меня восхитила, спѣвъ мнѣ арію изъ Paresi и

¹⁾ Т. е. А. А. Воейковой, рожд. Протасовой, племянницы и крестницы В. А. Жуковского.

²⁾ Вѣроятно первые печатные экземпляры.

³⁾ „Мнѣ говорятъ: Она поетъ—

И радость тихо въ душу льется“.

романсъ Isolina Veluti. Она поетъ чудесно: голосъ, молода, душа, и она пѣла для меня... Сердце радовалось. Я ей прочелъ наизусть „Венеціанскую Ночь“. Она разговаривала со мною съ такой граціей, эта мелодичная Зинаида, романтическая Пери! Мы вмѣстѣ пили чай. Затѣмъ она отправилась къ графинѣ Лебцельтернъ, а я пошелъ къ себѣ съ сердцемъ наполненнымъ ею. Она тоже общалась мнѣ навсегда нѣжную дружбу...

18 *апрѣля*. Вечеромъ приѣхала ко мнѣ кн. Зинаида Волконская съ кн. Софьей Волконской и ея дочерью Алиной. Зинаида обнаружила такое трогательное ко мнѣ участіе; ея дружба для меня — истинное счастье. Наша привязанность, надѣюсь, продолжится всю жизнь нашу.

25 *апрѣля*. Жуковский принесъ мнѣ деньги за „Чернеца“. Благодареніе Богу! Спасибо и ему.—Гр. Лебцельтернъ и Гнѣдичъ. Императрица Елизавета пожаловала мнѣ чудный перстень.

26 *апрѣля*. День моей свадьбы. Иша и Алинъка читали мнѣ Евангеліе. Жуковский, Ал. Перовскій, Плетневъ, Левъ (Пушкинъ), Алекс. Тургеневъ пришли къ чаю. Жена пришла съ нами бесѣдовать.

27 *апрѣля*. Дельвигъ, вернувшійся изъ Витебска. Жуковский читалъ продолженіе „Евгенія Онѣгина“.

3 *мая*. Иша прочелъ мнѣ Евангеліе отъ Іоанна о слѣпомъ, получившемъ исцѣленіе.. Тургеневъ, Жуковский. Вечеромъ Левъ, Дельвигъ, Грибоѣдовъ, человѣкъ умнѣйшій, какихъ мало...

7 *мая*. Плетневъ мнѣ прочелъ всего моего „Чернеца“. Вечеромъ я имѣлъ чрезвычайную радость увидѣть и обнять Свѣтлану и Сатише, вернувшихся изъ Дерпта; послѣ чаю онѣ уѣхали въ Царское село. Были Алекс. и Сергѣй Тургеневы, Жуковский и г-жа Вейдемейеръ, и Ал. Перовскій.

9 *мая*..... Завтракалъ съ Тургеневымъ и А. Перовскимъ. Потомъ пришелъ Жуковский, принесшій мнѣ отъ нашей ангельски-доброй Великой Княгини Александры чудные бронзовые часы и прелестнаго Шиллера (въ изящномъ переплетѣ). Я написалъ Ей письмо... Вечеромъ милые Тургеневы, Жуковский, Перовскій, Дельвигъ, Плетневъ, Левъ, жена моя и дѣти, мы всѣ были въ сборѣ. Позже прочли отрывокъ изъ Энеиды, переведенный Жуковскимъ и его балладу „Кассандра“.

Мы разстались въ 2 ч. ночи. Благодареніе Тебѣ, Господь мой, Иисусъ Христосъ.

10 іюня.... Пришли Дельвигъ и Кюхельбекеръ, этотъ оригиналь („drôle de corps“)...

12 мая. Тургеневъ, Жуковскій, Пушкинъ (Левъ), Дельвигъ и Кюхельбекеръ пили чай. Много смѣялись. Дельвигъ такъ умерительно бѣсилъ Кюхельбекера. Позже декламировали стихи.

25 мая. Дельвигъ остался обѣдать. Около 6 час. Тургеневъ и Жуковскій, который ѣдетъ въ Павловскъ и Царское. Левъ (Пушкинъ) принесъ мнѣ чудное посланіе ко мнѣ своего брата Александра, что мнѣ доставило чрезвычайное удовольствіе ¹⁾.

12 іюня. Утромъ Воейковъ. Обѣдалъ Кюхельбекеръ. Вечеромъ Баратынскій, уже офицеръ. Пушкинъ, Дельвигъ; позже Тургеневъ“.

16-мъ іюня эта часть дневника оканчивается, и имѣющее продолженіе идетъ лишь съ 1 іюля 1830 г. Надо думать, что журналъ пропущенныхъ годовъ просто не дошелъ до насъ. Не былъ-ли онъ уничтоженъ послѣ? Вѣдь надо имѣть въ виду, что бурныя событія и перемены конца 1825 г. и слѣдующихъ лѣтъ не могли не отозваться тягостно на жизни и окруженіи слѣпого поэта: они вырвали изъ его дружескаго интимнаго кружка нѣсколькихъ близкихъ ему людей, нанеся болѣзненные раны его пылкому, чувствительному сердцу... Если въ дневникъ послѣдующихъ 30-хъ годовъ мы не досчитываемся иныхъ изъ прежнихъ обычныхъ въ немъ именъ, то зато на смѣну ихъ появляются новыя, не менѣе извѣстныя имена, напр. композитора Даргомыжскаго, Каратыгина, П. А. Вяземскаго, Андрея Муравьева, Ѳ. И. Тютчева, Туманскаго, Веневитинова, Смирновой и др. Характеръ и тонъ журнала остаются тѣ же.

Держась принятой системы, мы дадимъ по нѣскольку выписокъ изъ каждаго года.

1830-й годъ. Іюля 3. „Г-жа Вейдемейеръ читала мнѣ Вальтеръ-Скотта. Она бываетъ почти ежедневно и занимаетъ меня долгимъ и разнообразнымъ чтеніемъ.

¹⁾ Эти строки подчеркнуты въ рукописи. Тутъ разумѣются извѣстные стихи Пушкина, написанные по поводу полученія „Чернеца“ Козлова:

Пѣвецъ, когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной....

— 14-го... Я ѣздилъ обѣдать на дачу Лаваль. Познакомился съ княземъ и княгиней Одоевскими... Я читалъ свою „Безумную“. Вернулся поздно.

— 18-го. Левъ Пушкинъ отправляется въ Грузію черезъ Москву. Его мнѣ будетъ очень недоставать.

— 28-го. Каратыгинъ долго бесѣдовалъ со мной и великолѣпно прочелъ мнѣ прекрасный монологъ „Ермака“...

Августа 6. Жуковский читалъ мнѣ письмо Тургенева (А. И.). Милый кн. Вяземскій пришелъ провести со мной часокъ передъ отъѣздомъ въ Москву.

— 12-го. Пришелъ интересный и любезнѣйшій Тютчевъ.

— 15-го. Мы съ женой и дѣтьми были въ концертѣ Mlle Зонтагъ, въ Маломъ театрѣ. (Ouv. de la Vestale. Grand air de Bellini. Une cavatine de la Dame du lac de Rossini, l'ouv. Freyschütz. Un air de Pacini. Un air suisse, l'ouv.: Flutte enchantée). Какое наслажденіе мнѣ доставило ея прекрасное пѣніе: свѣжесть, грація, законченность, невыразимая прелесть! Я всю жизнь буду помнить это наслажденіе“.

На другой день Козловъ, какъ читаемъ въ дневникѣ, написалъ стихи, обращенные къ Зонтагъ ¹⁾.

Домъ Козлова усердно посѣщали не одни русскіе литераторы, поэты и артисты. Радужное гостепримство встрѣчали тамъ и пріѣзжіе иностранцы изъ литературнаго, ученаго и артистическаго міра, въ общеніи съ которыми слѣпой поэтъ, свободно владѣвшій всѣми 4-мя главными западно-европейскими языками, почерпалъ столько умственныхъ наслажденій и душевной отрады. О такихъ посѣщеніяхъ, оживленныхъ бесѣдахъ и чтеніяхъ мы находимъ не рѣдко упоминаніе въ дневникѣ поэта.

Подъ 21 августа разсказывается о литературномъ вечерѣ, съ двумя французами-чтецами и разсказчиками.

¹⁾ „Къ пѣвицѣ Зонтагъ“:

„Вчера ты пѣла. Голось нѣжный,
Раасѣя мракъ мой безнадежный,
Небесной дышитъ чистотой“, etc.

Августа 23-го. „Позже Bular съ М-г Monneron. Это очень интересный путешественникъ. Онъ прибылъ съ острова Маврикія и много разъ былъ подъ тропиками.

Сентября 4-го. Вчера и сегодня академикъ Афанасьевъ писалъ мой портретъ.

— *8-го.* „Я былъ на концертѣ М-ле Зонтагъ въ ложѣ графини Лаваль, въ первомъ ярусѣ, № 2“.—Разсказавъ о концертѣ и о бывшихъ въ ложѣ, Козловъ заключаетъ: „я былъ въ восторгѣ отъ концерта. Я легъ спать въ полномъ упоеніи отъ чудной пѣвицы“.

Декабря 12-го... Monneron прекрасно прочелъ комедію „le Roman“; онъ также спѣлъ между прочимъ смѣшную англійскую пѣсенку. Время прошло очень пріятно.

— *17-го.* Monneron и Каратыгинъ, Смирновъ. Я послалъ свое Мечтаніе (Rêve) ¹⁾ графинѣ Фикельмонъ.

— *24-го.* Плетневъ мнѣ принесъ „Годунова“ Пушкина“.

Отъ 1831 года сохранилось очень немного записей, именно за январь и затѣмъ за послѣдніе дни декабря.

Журналь 1832 года начинается съ января и обрывается на 5-мъ мая.

Января 5-го... Князь Алекс. Голицынъ (А. Ю.) ²⁾, мой истинный благодѣтель, обѣщалъ мнѣ свое участливое и могущественное покровительство. Потомъ былъ дорогой кн. Вяземскій, милѣйшій поэтъ.

— *8-го.* Camprô'ónico (аббатъ) читалъ мнѣ Данте (Béatrice). Вечеромъ Андрей М. (Муравьевъ?), Жуковскій и я,—мы разсказывали легенды, сколько интересныя, столько и религіозныя.

— *10-го.* Сегодня у насъ съ Жуковскимъ былъ длинный и серьезный дѣловой разговоръ, а затѣмъ было немного и поэзіи. Приѣхала милая княгиня Голицына (la P-sse Alexis G.) ³⁾. Для меня это было истиннымъ счастьемъ,—она какъ мать (для меня). Мы много бесѣдовали. Съ нами была и дочь моя. Можно сказать

¹⁾ Вѣроятно, разумѣется стихотвореніе: „Мечтаніе“ (о Наполеонѣ).

²⁾ Известный государственный дѣятель, бывшій оберъ-прокуроръ Синода и личный другъ Императора Александра I.

³⁾ Козловъ часто говоритъ о ней, всегда съ особенной нѣжностью, относясь къ ней „какъ къ матери“. Ниже упоминается ея сестра, гр. Растопчина.

о ней (т. е. о кня. Г.): elle a le ciel dans son coeur. Жуковский и кня. Голицына сдѣлали для меня этотъ день дѣйствительно отраднымъ и прекраснымъ.

— 12-го. Я шель уже спать, когда пришелъ молодой (Guerreigo). Мы съ нимъ были въ комнатѣ моего сына. Онъ мнѣ принесъ альбомъ своей матери, куда я долженъ написать что-нибудь. Мы много говорили и читали наизусть стихи. Это — молодой человекъ весьма умный, отлично знающій древніе и новыя языки, вообще богато одаренная натура. Я въ восторгѣ, что съ нимъ познакомился ¹⁾.

— 26-го. Я прочелъ Веневитинову мое посланіе къ Вальтеръ-Скотту.

— 29-го... Я прочелъ мое посланіе къ Вальтеръ-Скотту Вьельгорскому. Графиня Лебцельтернъ по какому-то необыкновенному совпаденію сообщила мнѣ, что Вальтеръ-Скоттъ желаетъ имѣть мою поэзію.

Февраля 26-го. Приѣхалъ милый Жуковский съ Катишъ В. (т. е. Воейковой), вышедшей изъ института. Я съ вѣжностью и болѣю въ сердцѣ поцѣловалъ это милое дитя моего лучшаго друга, бѣдной Свѣтланы ²⁾.

— 29-го. Н. Смирновъ съ своей хорошенькой женой (рожд. М-ле Россети): красавица, очень умна, бесѣдуетъ оригинально, мило и естественно. Онъ добрый малый.

Марта 9-го. Графиня Лаваль съ гр. Завадовской-Влодекъ. Я не могу выразить, какъ послѣдняя чаруетъ мое сердце. Красота, очаровательный голосъ, она полна какой-то притягательной силы, прелестной граціи! — Даргомыжскій много игралъ. Онъ приходитъ часто ⁴⁾.

Къ тому-же 1832 году относится еще одна записка отъ 27 декабря. Вотъ она: „Дочь моя читала мнѣ „Le Génie du Christianisme“, сочиненіе, возвышающее мнѣ душу. Графиня Лаваль и Андрей Муравьевъ часто сходятся по вечерамъ. Онъ читаетъ свои

¹⁾ Португалецъ I. Guerreigo состоялъ при португальскомъ посольствѣ въ С.-Петербургѣ. Его стихотворное обращеніе къ Козлову (по англійски, съ русск. перев.) помѣщено въ изд. стихотвор. И. И. Козлова А. Введенскаго (2 пад. 1902), стр. 337.

²⁾ А. А. Воейкова (рожд. Протасова) умерла въ 1829 г. Ея дочь, здѣсь упоминаемая, Ек. Ал. Воейкова умерла въ 1843 г.

произведенія: трагедію „Битва при Тиверіадѣ“, „Михаилъ Тверской“, свою поэму—о Потопѣ...

Молодой Пирлингъ принесъ мнѣ доброе письмо милого аббата Camrod'onico, съ которымъ мы прочли столько итальянскихъ авторовъ—классиковъ и романтиковъ“.

Отъ 1833-го года сохранилось также всего нѣсколько записей.

Февраля 16-го. Ночью я страшно страдалъ ¹⁾. Получилъ съ великимъ удовольствіемъ письмо отъ милого Жуковского. Слушалъ его съ восторгомъ: Женевское озеро. Байронъ. Сколько поэтическихъ воспоминаній на берегахъ этихъ водъ, столь прекрасныхъ и романтичныхъ.

Января 12-го. Былъ молодой графъ Литта и много говорилъ о Манцони, онъ же передалъ мнѣ много пріятнаго отъ имени гр. Фикельмонъ. Муравьевъ (Андрей) читалъ мнѣ о Валаамскомъ монастырѣ. Графиня Лаваль слушала съ большимъ интересомъ и оставалась очень поздно. Дочь моя сыграла Adagio Бетховена.

Янв. 15-го. Графиня Завадовская. Я люблю эту милую графиню З., какъ любятъ прекрасную и нѣжную розу, которой благоуханіе проникаетъ въ душу. Вернулся Левъ Пушкинъ. Добрый Даргомыжскій. Для меня было такимъ удовольствіемъ слушать арію Іосифа и особенно — Отелло Мендельсона — въ четыре руки съ моей дочерью, и также симфонію Бетховена“.

1834-й годъ представленъ въ журналѣ полнѣе: рядомъ записей, какъ начала и середины, такъ и конца года. Вотъ нѣкоторыя:

Янв. 26-го. „Мой благодѣтель князь А. Н. Голицынъ долго сидѣлъ и бесѣдовалъ у меня; онъ разсказалъ мнѣ много назидательнаго. Онъ былъ такъ добръ ко мнѣ.

Янв. 30-го . . . Милый мой именинникъ Жуковский по обыкновенію пришелъ къ намъ обѣдать. Мы пили шампанское за его здоровье. Катишъ В. ²⁾ была съ нами. Позже жена съ дочерью и съ Катишъ пошли на вечеръ къ Жуковскому. Муравьевъ пришелъ пить чай со мной.

¹⁾ Упомянутія о болѣзни и страданіяхъ вообще встрѣчаются чаще въ этотъ періодъ.

²⁾ Воейкова, дочь „Свѣтланы“.

Февр. 4..... Я страдалъ чрезвычайно. Нѣкоторое облегченіе нашель я, слушая игру моей дочери съ Даргомыжскимъ въ 4 руки: Мендельсона, и особенно же Бетховена, котораго я слушалъ съ восторгомъ.—Явился Левъ Пушкинъ. Милый Жуковскій подарилъ мнѣ свой бюстъ очень похожій: „Ты, братъ Иванъ, — оцупай меня хорошенько—рожу мою и узнаешь“. Моей женѣ онъ подарилъ свой портретъ.

Февр. 14. Я остался въ постели, сильно страдая. Пришли Жуковскій, Гаевскій ¹⁾. Ст. Шеміотъ читалъ мнѣ Томаса Мура. Аполлонъ ²⁾ читалъ мнѣ сказку Пушкина „О Мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ“.

Мартъ 3-го. Аполлонъ мнѣ прочелъ двѣ хорошенькія баллады Мицкевича въ передѣлкѣ Пушкина.

Іюнь (1-го?). Аполлонъ мнѣ читалъ Загоскина „Вечеръ на Хопрѣ“. Левъ Пушкинъ часто приходилъ эти дни. Иванъ Мятлевъ, довольный моимъ посланіемъ ³⁾. Онъ мнѣ читалъ прелестныя свои вещи и смѣшную басню „Медвѣдь и Коза“. Я ему сказалъ наизусть свои Ставсы на Несчастье ⁴⁾. Вечеромъ моя дочь играла Фиделіо Бетховена.

18 іюня. М-г Alexandre ⁵⁾. Мы прочли нѣсколько писемъ Царя Петра I и Екатерины II къ моимъ. Я ему далъ одинъ автографъ ⁶⁾“.

Отъ 1835 и 1836 и. сохранилось опять очень немного журнальных замѣтокъ.

Февраля 19-го 1835-го г. „Сапа Воейкова вышла изъ института съ 1-мъ шифромъ. Графиня Толстая привезла ее къ намъ. Я былъ тронуть, радостно расцѣловалъ ее, и она мнѣ выказала много чувства... Веневитиновъ мнѣ прочелъ *Le malade d'André Chenier*, чудный *chef d'oeuvre*. Я легъ спать съ душой преисполненной нашего Божественнаго Спасителя. Отецъ Константинъ слу-

¹⁾ Докторъ.

²⁾ А. И. Козловъ, братъ поэта.

³⁾ Къ И. П. Мятлеву „На мшистомъ берегу морскомъ“.

⁴⁾ Стансы: „Настала тѣнь осенней длинной ночи“.

⁵⁾ Французскій драматическій артистъ.—Къ нему обращены стихи, которые сперва по ошибкѣ отнесены были мною къ Пушкину. (См. Извѣстія II Отд. И. А. Н. 1906, к. 1).

⁶⁾ Рѣчь идетъ очевидно о семейныхъ историческихъ документахъ.

жилъ эти 4 дня еѣимоны. Нѣтъ ничего прекраснѣе этого канона покаянія.

Марта 14-го. Жена и дочь моя отправились слушать Requiem по Императорѣ Австрійскомъ.

Марта 20-го. Г-жа В. (Вейдемейеръ) прочла мнѣ великолѣпный отрывокъ изъ Жуковскаго о Карамзинѣ и чудное письмо нашего славнаго исторіографа графу Каподистріи.

Дек. 2-го. Жена и дочь купили мнѣ въ англійскомъ магазинѣ маленькій золотой крестикъ, который мнѣ вручила Алинъка и который я буду носить всю жизнь на своемъ сердцѣ.

Дек. 22-го. Дочь моя прочла мнѣ письмо Алекс. Тургенева, полное интереса. Шатобріанъ получилъ мое письмо. Вечеромъ сынъ мой читалъ мнѣ еще письма Тургенева чрезвычайно интересные“.

Отъ 1836 г. сохранилось всего нѣсколько незначительныхъ записей конца сентября мѣсяца.

Такимъ образомъ мы подошли въ нашихъ выдержкахъ къ послѣднимъ годамъ жизни нашего страдальца-поэта, изъ которыхъ, какъ уже выше замѣтили, годы 1837 и 1839 (именно съ октября мѣсяца) увѣковѣчены въ дневникѣ наиболѣе полно, а потому придется и намъ посвятить имъ нѣсколько болѣе мѣста.

III.

Въ своихъ ежедневныхъ замѣткахъ И. И. Козловъ не распространяется о перемѣнахъ въ состояніи своего здоровья, такъ что составить себѣ на этотъ счетъ сколько-нибудь ясное понятіе мы не въ состояніи. Однакожь эти неизбѣжныя перемѣны въ его самочувствіи, успѣхи роковой болѣзни, усиленіе физическихъ страданій, вліяя на его настроеніе, не могли не находить своего отраженія и въ дневникѣ его, въ которомъ за этотъ послѣдній періодъ его жизни все чаще встрѣчаются указанія и намѣки на переносимые имъ, впрочемъ все съ тою же душевною твердостью и непоколебимой вѣрой и благочестіемъ, мучительные приступы болѣзни, на сознаніе имъ и окружающими серьезности его положенія и даже на предчувствіе скорой роковой развязки.

Это особенно относится къ самому концу 1839 года, когда за какой-нибудь мѣсяць до своей кончины (30 января 1840 г.), слѣпой поэтъ уже видимо готовился къ смерти, приводя въ порядокъ свои дѣла и бесѣдуя на эту тему съ своимъ духовникомъ, а также съ лучшимъ другомъ Жуковскимъ — своимъ душеприказчикомъ. Вообще дневникъ этихъ послѣднихъ недѣль жизни Козлова обнаруживаетъ возбужденное, взволнованное состояніе духа, въ коемъ не разъ онъ самъ сознается.

Но характерно то, что по мѣрѣ разрушенія тѣла, духъ поэта не падалъ, не терялъ своихъ силъ и способностей, а напротивъ въ немъ обнаруживались повышенныя, высоко поднявшія его надъ всѣмъ низменно-житейскимъ — жизнь и дѣятельность. Его поэтическая мысль, горячее религиозное чувство, нѣжно-любящее сердце работали и проявляли себя съ крайнимъ напряженіемъ и силой и видимо вызывали во всѣхъ окружающихъ (не говоря уже о членахъ семьи) удвоенныя старанія облегчить ему страданія и всячески утѣшить и поддержать его. Какъ видно изъ дневника, онъ былъ окруженъ болѣе чѣмъ когда-либо попеченіями и знаками вниманія друзей и знакомыхъ: его усердно навѣщали, ему читали, услаждали его музыкой, пѣніемъ и т. п. Понятно, что отъѣздъ его близкихъ и друзей изъ Петербурга былъ для него всегда большимъ огорченіемъ. Въ этомъ отношеніи для него должно было быть особенно чувствительно продолжительное отсутствіе его ближайшаго друга Жуковского — въ 1837-мъ и 1838—39 гг., когда В. А. путешествовалъ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ сперва по Россіи, а въ слѣдующемъ году — за границей. Къ счастью онъ вернулся въ Петербургъ еще во-время, чтобъ быть возлѣ слѣпого друга послѣдніе мѣсяцы его жизни, усладить ему ихъ своей братской заботливостью, выслушать его послѣднюю волю и благоговѣнно проводить его въ лучшей міръ.

Но и въ отсутствіи своемъ, во время странствій, Жуковскій мысленно не разставался съ другомъ, переписывался съ нимъ, заботился о немъ. Такъ въ 1837 году, въ октябрѣ, незадолго до возвращенія, онъ писалъ кн. П. А. Вяземскому: „Навѣсти Козлова, онъ въ ужасномъ положеніи. Пальцы уже одеревенѣли и языкъ начинаетъ нѣмѣть. Слухъ давно ослабѣлъ. А душа какъ

будто живѣть“. Дѣйствительно, замѣчательная сила духа поэта помогала ему бороться съ прогрессирующей болѣзнью, и онъ протянулъ еще два года, до нач. 1840 г., когда воспаление мозга его окончательно сразило.

Вотъ нѣкоторые выписки изъ дневника *1837-го года*.

Января 3-го. „Приѣхалъ милый Александръ Тургеневъ, этотъ старый истинный другъ, всегда вѣрный, преданная душа, умъ плѣнительный, полный литературныхъ интересовъ.

Января 12-го. Была у меня графиня Потоцкая (жена графа Болеслава П.) ¹⁾. Я былъ въ восхищеніи отъ нея. Она будетъ также звѣздой для моего сердца: она выказала ко мнѣ самое милое участіе. Говорятъ, что она очень хороша собой, — сколько я могу судить, она очень умна, соединяетъ большую чувствительность съ пылкой душой... Она спѣла мнѣ чудную арію Pignatelli и романсъ „Любила я твои глаза“. Она ученица г-жи Малибранъ. Позже прибылъ милый Тургеневъ — бесѣдовали о весьма интересныхъ предметахъ.

Января 28-го. Эта несчастная дуэль Пушкина навела ужасъ на меня...

Января 30-го. Алекс. Тургеневъ мнѣ сообщилъ интересныя подробности о дуэли, — это поистинѣ злосчастное, роковое событіе!

Февраля 11-го. Нельзя быть добрѣе и участливѣе Алекс. Тургенева: онъ мнѣ сдѣлалъ такъ много одолженій; потомъ читалъ мнѣ чудные стихи Лермонтова на смерть Пушкина. Аливъа читаетъ мнѣ письма о страстной и свѣтлой седмицѣ (Инокентія).

Марта 19-го. Жуковский съ Катей и Сашей Воейковыми. Я отъ всего сердца обнялъ милыхъ и любезныхъ дочекъ моей дорогой Alexandrine...

Марта 23-го. Я провелъ ужасную ночь, изнемогая отъ страданій. Былъ Гаевскій. Я остался въ постели. Жена и дочь мои должны были отправиться въ Жуковскому проститься съ уѣзжающими Воейковыми. Сынъ мой остался со мною. Даргомыжскій игралъ вечеромъ.

¹⁾ Графъ. Марья Алекс. Потоцкая, рожд. кн. Сагтыкова, жена гр. Болесл. Станисл. Потоцкаго.

Апрѣля 2-го. Андрей Муравьевъ мнѣ читалъ еще одно интересное письмо Beautain'a (религіозные вопросы). Онъ говоритъ тамъ и обо мнѣ. Муравьевъ мнѣ перепишетъ эти строки сочувственныя и благочестивыя, которыя аббатъ Beautain обратилъ ко мнѣ.

Апрѣля 5-го. Кн. Вяземскій пришелъ навѣстить меня. Я страдалъ, былъ грустенъ и взволнованъ.

Апрѣля 15-го (Великій Четвергъ). Я проснулся въ 4 часа, а въ 5½ былъ уже въ церкви у г-жи Влодекъ ¹⁾. Меня поставили въ алтарѣ. Я прослушалъ утр. Правила, литургію, прекрасно отслуженную—съ великимъ и чуднымъ евангеліемъ св. Матѣя о началѣ страданій Христа; отлично пѣли „Вечери Твоея тайныя“. Я имѣлъ небесную радость — причаститься. Господь Иисусъ Христосъ видитъ душу мою...

Мая 2-го. Другъ Жуковскій меня посѣтилъ. Мы сердечно разцѣловались. Онъ уѣзжаетъ съ Вел. Кн. Наслѣдникомъ. Я чувствовалъ себя плохо. Княгиня Голицына пришла въ мою комнату. Ея дружба—благодѣяніе для меня; начиная съ Вербнаго Воскресенья: ко дню моего рожденія она подарила мнѣ чудную молитву. Въ Великій Четвергъ (день причастія), въ великій праздникъ Свѣтлаго Хр. Воскресенія, въ день именинъ дочери моей — она оставалась у меня долго и была все такъ же благочестиво-добрая, утѣшающая, услужливая. „Ежедневный крестъ—есть ежедневный, насущный хлѣбъ христіанина“, сказала она мнѣ. Ея сповойствіе, полное любви—всегда для меня нравственная помощь и поддержка, когда я грустенъ и возбужденъ. Дочь моя перечитала мнѣ чудную молитву, которую она дала мнѣ: „Forcez nous Seigneur à être heureux malgré nous mêmes“.

Юня 7-го. Княгиня Голицына сказала мнѣ еще: „Мы по настоящему жили именно въ тотъ день, когда мы все болѣе страдали“.

Юля 5-го. Я имѣлъ чрезвычайную радость вновь увидѣть моего дорогого Александра Дивова, бывшаго миссіонеромъ въ Америкѣ,

¹⁾ Графъ Завадовской, Елены Мих., рожд. Влодекъ (польки), извѣстной красавицы. О ней уже была рѣчь выше.

вернувшася оттуда и объѣхавшаго Европу, котораго я не видалъ цѣлыхъ 25 лѣтъ. Онъ прибылъ съ своимъ братомъ Николаемъ, котораго я очень люблю.

Юля 14-го. Все это время мнѣ было очень плохо, и я былъ очень возбужденъ. Франковскій, отличный хирургъ, явился оказать мнѣ помощь—по совѣту славнаго Гаевского.

Юля 17-го. Молодой Вяземскій ¹⁾ пришелъ вмѣстѣ съ сыномъ моимъ,—онъ мнѣ кажется славнымъ малымъ (bon enfant), веселымъ и очень остроумнымъ...

Юля 29-го. Жуковскій пишетъ мнѣ преинтересныя письма изъ-за границы. Я чувствую себя северно; я плохо отдыхаю.

Сент. 7-го. Мой сынъ зашелъ побесѣдовать, вернувшись изъ балета: M-lle Tagli ni—граціозное, воздушное созданіе, идеальное въ своихъ художественно-пластичныхъ позахъ, — легка, какъ настоящая сильфида. Она танцуетъ—словно птица поетъ.

Сент. 8-го. Я страдалъ невѣроятно. Былъ Оксъ. Затѣмъ — добрый Гаевскій Спасибо имъ за живое участіе. Жена моя мнѣ привезла изъ англійскаго магазина шерстяную куртку, которую я тотчасъ надѣлъ. Мои дѣти читали мнѣ Евангеліе. Это прекрасный, милый для меня праздникъ. Меня мучили лихорадка и спазмы. Это былъ странный день, полный и страданій, и сладостныхъ наслажденій.

Сент. 15-го. Княг. Голицына была съ своей сестрой, граф. Растопчиной, женщиной высокаго благочестія: она святая, и пылкая миссіонерка. Алинъка мнѣ читала „Пилигрима въ Іерусалимъ“ отца Gégamb.

Сент. 30-го. Графиня Фикельмонъ выказываетъ мнѣ нѣжность, чарующую мое сердце. Она умно говоритъ обо всемъ — рассказывала много чуднаго. Jules Janin сказалъ о M-lle Таліони: „Elle est notre soeur — Chaste-Joie, et notre seule chaste Joie“.

Окт. 20-го. Алинъка мнѣ также говорила о великомъ удовольствіи, ею испытанномъ вчера въ балетѣ (Таліони). Чудная танцовщица—Soeur Chaste Joie. Я не могу тебя видѣть танцующей,

¹⁾ Князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, сынъ поэта.

но мое воображеніе понимаетъ и чувствуетъ всю поэзію твоихъ танцевъ: тогда я вижу тебя!

Ноября 3-го. Я получилъ еще письмо отъ Жуковскаго: очень интересное, какъ всегда.—Я очень страдалъ.

— *17-го.* Андрей Мур. (Муравьевъ) много рассказывалъ мнѣ о крестовыхъ походахъ. Это человѣкъ выдающійся и по уму, и по воображенію: онъ—поэтъ даже въ своей прозѣ.

— *22-го.* Пилигримъ (de Géramb) полонъ глубовихъ ощущеній,—его прощанія съ Іерусалимомъ, Свят. Гробомъ,—всѣ мѣста, гдѣ проходилъ Христосъ,—религиозное обаяніе всего этого: пейзажей, чуднаго неба, восхитительныхъ ночей,—эти святія мѣста, гдѣ душа, такъ сказать, дышитъ небомъ, и все, что Пилигримъ говоритъ о христіанствѣ, объ Иисусѣ Христѣ, истинномъ Богѣ, великомъ Богѣ (le Grand Dieu, le Dieu des Dieux); я такъ счастливъ, что люблю Его, моего Спасителя—такъ, какъ люблю Его. Дамасская долина съ ея пальмами. ...Тиверіадское озеро—съ ея голубой тишиной, отражающей небесную лазурь,—все это чрезвычайно романтично...

Декабря 16-го. Алинъка принесла мнѣ статуэтку M-lle Таліони въ позѣ Сильфиды. Я ее отъ всего сердца поцѣловалъ. Это—безуміе... Но... будемъ безумны... Мы много говорили съ Иншей. Она вчера была плѣнительна въ Сильфидѣ—сверхземная...

— *18-го.* Дорогой Жуковскій, другъ сердца, котораго я люблю—Богъ видитъ—какъ, былъ очень тронутъ, увидавъ меня вновь сегодня... Даргомыжскій игралъ много въ 4 руви съ моею дочерью—преlestныя вещи изъ Бетховена, особенно 27-ю симфонію, потому она одна сыграла гавоть и менуэтъ, которые вызвали во мнѣ столько воспоминаній. Я остался одинъ—предаваясь мечтамъ,—и легъ спать, благословляя и благодаря моего Господа Иисуса Христа.

— *19-го.* Мой почтенный духовникъ, отецъ Петръ, пробылъ долго и утѣшилъ меня своимъ святымъ участіемъ. Мы сговорились, что я буду имѣть счастье исповѣдываться и причаститься къ великому празднику Рождества Спасителя...

— *23-го.* Святой и прекрасный для меня день. Я проснулся, молясь. Жена, сынъ мой и дочь принесли мнѣ мой образъ Всѣхъ

Скорб. Радости. Передъ нимъ я молился и прикладывался. Потомъ, благодареніе Богу, духовникъ мой, достойнѣйшій отецъ Петръ принесъ мнѣ Святое Причастіе, которое моя жена и мои дѣти встрѣтили у дверей стоя на колѣннхъ. Молодой пѣвчій и священникъ пѣли входя въ мою комнату, и я имѣлъ радость принять Тѣло и Кровь І. Х. Господа нашего, во оставленіе грѣховъ, во исцѣленіе души и тѣла и въ жизнь вѣчную“...

Запись отъ 28 дек. начинается грустно: „Я страдалъ; оставался одинъ, погруженный въ свои поэтическіе сны“...

Дневникъ 1838 г. сохранился лишь въ нѣсколькихъ записяхъ начала и конца года.

Въ ноябрѣ записано напр.:

— 7-го. „Жена моя и Гаевскій оставались у меня довольно долго. Я надѣюсь, что съ помощью Божіей этотъ достойный другъ мнѣ поможетъ.“

— 17-го. Приступъ лихорадки; я остался въ постели въ большомъ возбужденіи. Я написалъ письмо задушевное, серьезное моему другу Жуковскому...

— 22-го. Я получилъ письмо отъ моего Жуковского — безконечно интересное, и полное самой нѣжной дружбы. Онъ мнѣ много рассказываетъ о Венеціи и о Манцони, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Манцони говорилъ ему также обо мнѣ и показывалъ ему мои сочиненія, мною поднесенныя и бережно, по его словамъ, хранимыя“.

Послѣдняя запись этого 1838 года относится къ 22 декабря:

„Это — одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней моей жизни. Я провелъ ночь въ молитвѣ. Пришли мнѣ прочесть утреннія Правила, чудныя молитвы, затѣмъ дочь моя принесла мнѣ мой образъ Божьей матери — Всѣхъ Скорбящихъ Радости. Я къ нему прикладывался съ пламенной любовью; затѣмъ мой духовникъ соблаговолилъ меня исповѣдывать и удостоилъ меня грѣшнаго Св. Причастія Тѣла и Крови Спасителя нашего Иисуса Христа. Ты, мой Богъ, видишь сердце мое“.

Мы подошли къ послѣдному году жизни поэта. Записи этого года въ дневникѣ полнѣе предыдущаго, но также распределены

неравномѣрно, и почти всѣ относятся ко времени съ октябрю мѣс. Всего нѣсколько относится къ январю.

Января 12-го. „Дорогая княжна Голицына (P-sse Alexis G.), послѣ долгой бесѣды о религіозныхъ предметахъ и обо всемъ, что близко ея сердцу, оставила меня въ состояніи радости, заключающей въ себѣ—я осмѣливаюсь сказать—что-то небесное, мое сердце—болѣе чистымъ, мою душу—успокоенною... Съ граф. Матв. Вьельгорскимъ мы много говорили объ его интересномъ племянникѣ и о миломъ Жуковскомъ: оба въ Италиі—ради здоровья“.

— *15-го....* „Я себя чувствовалъ совершенно слабымъ... Князь Алекс. Ѳеодор. Голицынъ, двоюродный братъ моей жены, вернувшійся изъ-за границы, изъ Испаніи и Парижа, бесѣдовалъ очень интересно—мы были чрезвычайно рады вновь свидѣться“.

Переходимъ къ послѣдней части дневника, обнимающей конецъ 1839-го и начало 1840-го, т. е. время передъ послѣдней предсмертной болѣзью Козлова. Лѣтомъ, въ іюлѣ, вернулся изъ-за границы Жуковскій, но пробывъ недолго въ Петергофѣ, уѣхалъ въ августѣ въ Москву, на Бородинскій праздникъ, въ Тульскую губернію, и только въ половинѣ октября вернулся прямо въ Царское, откуда сталъ наѣзжать въ Петербургъ. Наконецъ, Козловъ могъ опять не только обнять своего друга, но и наслаждаться его обществомъ.

Отъ 5 ноября читаемъ:

„Дѣти мои читали мнѣ Евангеліе отъ Луки (слѣдуетъ текстъ: „Возлюбите Господа Бога Твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ“ и проч.).—Оставшись одинъ, я предался мечтамъ, говорилъ себѣ стихи, написалъ милому Жуковскому;—позже пришелъ любезный гр. Михайлъ Вьельгорскій, я былъ очень радъ его видѣть; онъ мнѣ показалъ нѣжное участіе. Мы бесѣдовали объ оперѣ, артистахъ: Pasta, Malebran, Pauline Garcia, которыхъ всѣхъ онъ знаетъ. Онъ мнѣ сказалъ, что нашъ Ивановъ ¹⁾ восхищается Италию. Я ему прочелъ мою балладу и мою Жалобу“ ²⁾.

¹⁾ Знаменитый художникъ.

²⁾ „Жалоба“: „О, дайте сердцу тосковать“

Ноября 7-го. „Жуковский прѣхалъ пить чай со мной; онъ со мной говорилъ о своемъ „Камоэнсъ“, который онъ мнѣ пришлетъ, о моихъ дѣтяхъ, обо всемъ, что у меня на сердцѣ; онъ взялъ на себя все, съ большею, чѣмъ когда-либо, нѣжностью дружбы. Я не знаю, какъ и благодарить Бога. Почтенный Муравьевъ, мною такъ любимый, обѣщалъ мнѣ также свою помощь во всякое время. Прибыль любезный Гаевскій, всегда дорогой и благодѣтельный другъ. — Я чувствовалъ себя плохо, дурно спалъ, — пилъ чай въ постели.

— 15-го. Пришелъ мой досточтимый духовникъ, отецъ Петръ, — это была для меня святая радость, — мы занялись предметами, касающимися моихъ духовныхъ долъ и моего письменнаго завѣщанія (lettres testamentaires), и многими другими важными и безконечно интересными темами. Мы рассказывали другъ другу легенды... Его прямо отеческая доброта — вся моя надежда. Мое говѣнье мы назначили на Рождество... Онъ пилъ со мной чай. — Я обѣдалъ одинъ... Алекс. Тургеневъ пришелъ опять — мы много бесѣдовали“.

Запись 29-го ноября оканчивается словами: „Я выпилъ чай и легъ, невѣроятно страдая, и въ сильнѣйшемъ возбужденіи („souffrant l'impossible et tout agité“). Алинъка пришла сидѣть у меня.

Декабря 3-го. Около 12 час. ночи нашло на меня вдохновеніе и я сочинилъ молитву въ видѣ сонета. Я въ восхищеніи, что помѣстилъ въ нее моего патрона св. Евангелиста Іоанна и Марію Магдалину, двухъ великихъ святыхъ, столь дорогихъ моему сердцу“.

Это прелестное поэтическое произведеніе нашего поэта — его столь извѣстная молитва, вылилось прямо изъ сердца, и какъ нельзя лучше отразило настроеніе восторженной души его въ эту пору тяжкихъ страданій, за два мѣсяца до смерти, а потому здѣсь будетъ умѣстно привести его:

Прости мнѣ, Боже, прегрѣшенья,
И духъ мой томный обнови,
Дай мнѣ терпѣть мои мученья
Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви.

Не страшны мнѣ мои страданья:
Они — залогъ любви святой;

Но дай, чтобъ пламенной душой,
Я могъ лить слезы покаянья.

Взгляни на сердца нищету,
Дай Магдалины даръ священный
Дай Иоанна чистоту;

Дай мнѣ донести вѣнецъ мой тлѣнный
Подъ игомъ тяжкаго креста
Къ ногамъ Спасителя Христа.

Декабря 4-го. „Мы долгіе часы оставались вдвоемъ съ Жуковскимъ—никогда его ненарушимая дружба своею нѣжностью не доставляла мнѣ такой святой радости. Онъ читалъ мой переводъ изъ Lamennais,—я ему прочелъ мой сонетъ, и поговоривъ еще о моемъ завѣщаніи и все уладивъ, онъ мнѣ прочелъ своего „Камюэнса“, чудный chef d'oeuvre, меня приведшій въ восторгъ. Онъ меня также очень уговаривалъ писать легенды, какъ я и собираюсь.

Декабря 20-го. Новгородская Богородица, которую я видѣлъ во снѣ и которой образъ у меня имѣется.. Съ дочерью я читалъ Евангеліе „Благословенна ты въ женахъ“, а „Величить душа моя Господа“. Я молился пламенно. Пришелъ мой добрый духовникъ. Благодаря Бога мы все съ нимъ устроили.

— *23-го (Суббота).* Я провелъ ночь въ молитвѣ. Въ 8 ч. утра пришелъ мой духовникъ меня исповѣдывать, а затѣмъ я удостоился счастья причаститься Тѣла и Крови Господа Нашего Иисуса Христа. Моя душа была въ небесномъ экстазѣ: никогда я не испытывалъ болѣе чистаго и радостнаго ощущенія. Я многократно цѣловалъ свой образъ Богородицы В. С. Р... Дѣти моего брата обѣдали у насъ. Приѣхалъ Жуковскій. Я былъ такъ счастливъ!

— *25-го.* Мои сынъ и дочь читали мнѣ Евангеліе. Затѣмъ Жуковскій читалъ мнѣ стихи, оставался очень долго—бесѣдовалъ съ моей женой. Я читалъ свою „Молитву“. Это былъ одинъ изъ прелестнѣйшихъ вечеровъ въ моей жизни, — такой пріятный и интересный! Весь этотъ чудный праздникъ былъ такъ счастливъ для меня.

— 27-го. Я остался въ постели, испытывая ужасныя мученія. Тургеневъ пріѣхалъ и былъ такъ добръ, что самъ поѣхалъ къ Гаевскому. Я горячо молился, выпилъ чашку чаю. Пришла граф. Елена (Завадовская). Я ей сказалъ наизусть *les stances de Gilbert* (передъ его смертью),—такъ трогательно:

— 28-го. Добрѣйшій Гаевскій оставался у меня долго и предписалъ мнѣ режимъ, который я соблюдаю. Г-жа Вейдемейеръ. Я съ нею занялся своей легендой. Пришелъ Муравьевъ — Мнѣ доставило большое удовольствіе то, что у Алиньки было вчера вечеромъ развлеченіе, и что сынъ мой видѣлъ великолѣпный и изящный домъ графини Завадовской, который осматривалъ также и Жуковскій. Это — перлъ художественнаго изящества и тонкаго вкуса во всѣхъ мелочахъ, начиная съ лѣстницы. Залы Людовика XIV и XV отличаются роскошью и законченностью; кабинетъ ея — восхитителенъ. Жуковскій сказалъ: „такъ хорошо и мило и изящно красиво, что не знаешь, какъ и быть: развѣ взять ноги въ руки“ ¹⁾. Я мечталъ о своей легендѣ, слушая мою дочь, читавшую 2-ую статью о Тама. Тургеневъ, ѣздившій вчера вечеромъ за Гаевскимъ, пріѣхалъ и сегодня.

— 30-го. Какое счастье, что ко мнѣ вернулся сонъ!

— 31-го. Ночь не была плоха. Дѣти днемъ читали мнѣ Евангеліе. Я предался думамъ и молитвѣ. Дѣти брата обѣдали у насъ. Я напѣвалъ себѣ подблюдныя пѣсни, довольно долго оставался въ полудремотѣ, и позже легъ, благословляя и благодаря Господа моего Иисуса Христа“.

Дневникъ 1840 г. начинается съ 1-го января, имѣя впереди надпись: „Благослови вѣнецъ лѣта Твоего, Господи“, и оканчивается 19-мъ. Къ этому дню относится послѣдняя запись. На другой день Козловъ заболѣлъ. Тяжелый, смертельный недугъ черезъ 10 дней свелъ его въ могилу.

Новый годъ онъ встрѣтилъ, какъ всегда, благочестиво и съ соблюденіемъ обычаевъ и традицій своего дома: взаимныя семейныя привѣтствія и подарки, чтеніе Евангелія, торжественный молебень, посѣщеніе друзей и близкихъ,—все это вкратцѣ, но съ трогатель-

¹⁾ Слова Жуковскаго записаны по русски.

нимъ постоянствомъ занесено въ дневникъ. Точно также прошелъ и описанъ день Крещенія Господня (6-го января). Какъ и раньше, въ физическомъ самочувствіи Козлова происходили частыя пере-мѣны, что отмѣчается въ его дневникѣ. Такъ, въ записи того же самаго дня (6-го) читаемъ: то „я былъ возбужденъ“, то „я чувствовалъ страшную слабость“, то, наконецъ, въ концѣ: „я легъ спать, благодаря Господа.. Господь далъ мнѣ самую покойную ночь и сонъ праведника. Слава Тебѣ Богу!“

Зато 8 января читаемъ обратное: „я провелъ самую ужасную („бурную“) ночь, какая когда-либо была у меня. Около 5 ч. я былъ принужденъ выпить чаю, но совсѣмъ слабого: это нѣсколько меня успокоило, затѣмъ я продолжалъ лежать, молясь и страдая. *Страданіе—также молитва.* Наконецъ, къ счастью ночь прошла, я проснулся, какъ обыкновенно.

— 11-го. Мое успокоительное лѣкарство (питье) даетъ мнѣ сонъ, но меня очень возбуждаетъ, — особенно вчера. Я все-таки сказалъ свою краткую молитву и спалъ порядочно, но тревожнымъ сномъ. Позже я еще принялъ свое лѣкарство и легъ. Днемъ приходилъ милый Жуковскій, мы пили чай, и я ему читалъ отрывки изъ Чернеца.

— 12-го. ...Вечеромъ, по уходѣ Жуковского, я много размышлялъ, молился, обанчивая всегда свой день благословеніемъ и благодареніемъ Бога. Слава Богу, ночь моя была довольно спокойна“.

Приведемъ, наконецъ, записи послѣднихъ четырехъ дней, 16—19 января, цѣликомъ. Ими заканчивается, за 10 дней до кончины, этотъ трогательно-искренній и чистосердечный дневникъ поэта-страдальца.

— 16-го. „Сегодня—праздникъ для моего сердца, день рожденія Алинки. Она мнѣ читала Евангеліе о Пресвятой Дѣвѣ: „Благословенна ты въ женахъ“ и „Величить душа моя Господа“. Я ее расцѣловалъ, побесѣдовалъ съ сыномъ, прибрался, надѣлъ свой новый темнофіолетовый халатъ... Я мечталъ, говорилъ наизусть стихи.

— 17-го. Алинка читала мнѣ немного изъ моего Данте. Я остался въ постели. Утромъ она мнѣ читала 7-ю главу изъ Евангелія Іоанна...

— 18-го. Я бесѣдовалъ съ сыномъ, и занимался съ дочерью. Андрей Муравьевъ пріѣхалъ отъ графини Лаваль. Княгиня Голицына (C-sse Alexis G.). Эта святая женщина своей строгой положительностью умаляетъ сладость христіанскаго милосердія; однакожь она всегда имѣетъ святое вліяніе на мою душу, и я ее люблю и почитаю чрезвычайно. Моя легенда ее пошкировала, но моя большая молитва ее тронула, равно какъ и малая. Я легъ спать въ вѣрѣ, надеждѣ и любви къ моему Спасителю.

Пятница, 19-го января. Я расцѣловалъ дѣтей, бесѣдовалъ съ Ишей и позаялся съ Алинкой. Я страдалъ и былъ очень возбужденъ. Пришли графиня Лаваль, Жуковскій и почтенный Муравьевъ. Мнѣ было очень пріятно видѣть и Бека (Ник.). Я выпилъ съ ними еще чашку чая. Вечеръ былъ очень интересенъ; говорили о предметахъ религіозныхъ и поэтическихъ. Я прочелъ дорогой графинѣ свою молитву-сонетъ, добрый Бекъ прочелъ ей мою длинную молитву; я былъ взволнованъ, но Богъ мнѣ далъ достаточно спокойствія, чтобъ насладиться столь занимательной бесѣдой и самому разговаривать, какъ обыкновенно. Моя поэзія чрезвычайно растрогала дорогую графиню Лаваль, и я легъ спать съ сердцемъ сокрушеннымъ, но съ надеждой, что божественный Спаситель Иисусъ Христосъ во всемъ будетъ ко мнѣ милосерднымъ“.

„10 дней болѣзни: воспаленіе мозга. 2 раза приобщился Св. Таинъ, благословилъ своихъ дѣтей“.

„Во вторникъ, 30-го января, около 4-хъ час. послѣ полудня онъ тихо испустилъ послѣдній вздохъ“... Такъ заключила А. И. Козлова дневникъ своего замѣчательнаго отца-страдальца.

К. Я. Гротъ.

СТАРИНА И НОВИЗНА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ОБЩЕСТВѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюльвича, Вас. остр., 5 л., 28.

1906.